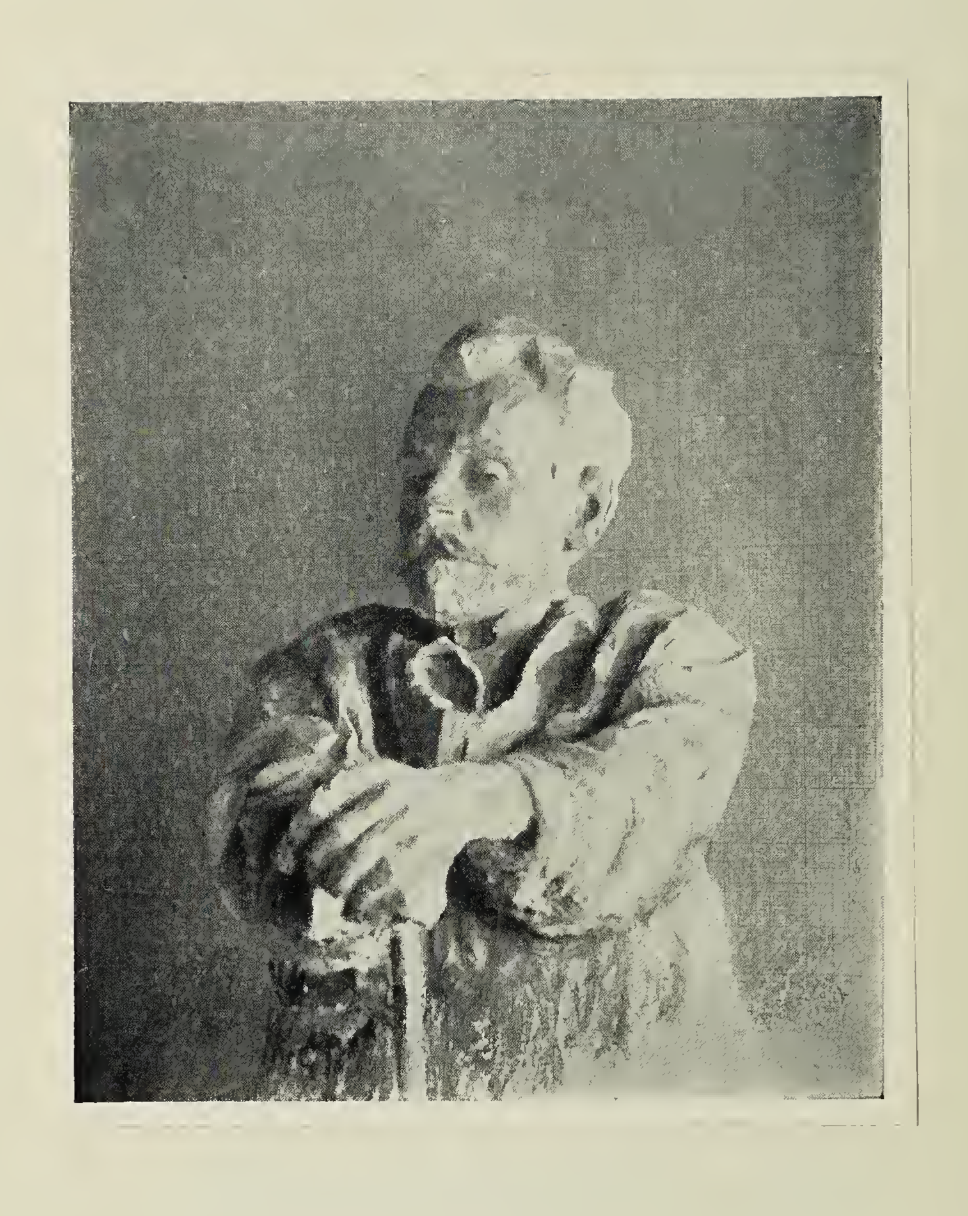
БОРИСОВЪ МУСАТОВЪ

«СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО»

СЕРІИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ МОНОГРАФІЙ

Борисовъ-
Мусатовъ.
Скульптура
Матвѣева.

БОРИСОВЪ-МУСАТОВЪ

текстъ

БАР. Н. Н. ВРАНГЕЛЯ.

2-ое изданіе Н. И. Бутковской
Петроградъ
Офицерская 60.

Дозволено военной цензурой.
11 февраля 1916 г.
Текстъ Женской Типографiй.

Кустъ орѣшника.

ВВЕДЕНІЕ.

Искусство поколѣнія шестидесятниковъ сводилось къ воспроизведенію возможно выразительнѣе событій изъ дѣйствительной жизни.

Люди этого времени были такъ довольны сами собой, считали свою земную миссію столь важной, что были твердо увѣрены въ томъ, что искусство есть отраженіе гражданскихъ и философскихъ идей, которыя проводятся въ жизнь при помощи красокъ. На смѣну народникамъ вскорѣ пришли другіе,—уже не бодрые строители жизни, а „хмурые люди", унылые, приниженные и одинокіе; жизнь и искусство надолго замерли, стали нѣжными оранжерейными цвѣтками. Прошла эпоха надеждъ и самодовольствія, всѣ замкнулись въ себя, и „чеховская" тоска заволокла паутиной порывы, желанія и вкусы. „Русскій человѣкъ любитъ вспоминать, но не любитъ жить" — вотъ фраза Чехова,

относящаяся не только ко всему русскому укладу вообще, но, главнымъ образомъ, къ русскому человѣку его времени. И эта фраза оказалась пророческой. Еще долго томились всѣ, не видя новой правды, еще долго неслась и догорала унылая пѣснь Чехова. Цѣлое поколѣніе поэтовъ и художниковъ конца XIX и начала XX вѣка воспѣло языкомъ красокъ, линій и словъ печальную мечту, воспоминаніе о прошломъ и тоску отъ дѣйствительности. Красивымъ стало то, что ушло, и эхо музыки казалось прекраснѣе ея звуковъ. Въ литературныхъ разсказахъ выступила сѣрая, тоскливая жизнь скучной провинціи; героями пьесъ и романовъ стали печальные, грустные люди. Въ пейзажахъ Левитана всѣ полюбили осеннюю красоту запустѣнія, сонную ласку блѣдныхъ сѣверныхъ ночей, страдальческую притягательность русской деревни. Въ области бытовой живописи появились ретроспективные мечтатели, показавшіеся воскресшими призраками минувшаго жизненнаго сна. Они облекли свою грезу въ совсѣмъ новый у насъ, изысканный нарядъ „историческаго быта". Сомовъ, Александръ Бенуа, Бакстъ, Рерихъ, закрывали глаза на дѣйствительность, думая о прошломъ. Ихъ греза любила все что исчезло, все разрушенное, умирающее, печальное, обветшалое, больное, все то, что составляло достояніе и красоту другого времени

и другой культуры. Le beau—c'est le rare сдѣлалось девизомъ искусства; нѣкоторые художники такъ полюбили прежнее время, что захотѣли перенести его въ жизнь. Литераторы послѣдовали за ними. Кузминъ и Ауслендеръ создали свой, совсѣмъ особый стиль разсказовъ о милой старинѣ, и столь остро и тонко зачертили минувшія переживанія, что они сплелись воедино съ современностью. Но среди всѣхъ поэтовъ былого выдѣляется одинъ, стоящій совсѣмъ особнякомъ, маленькій больной горбунъ Борисовъ-Мусатовъ. Онъ не пѣвецъ какой либо эпохи, какъ нѣкоторые другіе его современники. Элементъ исторической были почти отсутствуетъ въ его произведеніяхъ. Въ его творчествѣ сплелись и перепутались разные моменты бытія, разные отблески и отраженія, разные люди и разныя мечтанія. Мусатовъ, грезя о прошломъ, не живетъ въ опредѣленной эпохѣ, не составляетъ часть какого либо историческаго момента. Онъ квинтессенція всего, послѣдній звукъ безконечно далекой мелодіи, застонавшей много столѣтій назадъ и оборвавшейся въ наше время. Онъ совсѣмъ особенный, ни на кого непохожій, большой ребенокъ, милый и трогательный своей дѣтской наивной душой. Бенуа и Сомовъ, Рерихъ и Бакстъ люди опредѣленнаго времени — воскресшіе теперь, чтобы разсказать намъ о своей жизни. Мусатовъ

стоитъ внѣ историческаго момента. Въ какую эпоху такъ, какъ на его картинахъ, одѣвались, печалились, мечтали? Кто эти дѣвушки съ полными слезъ глазами, и о чемъ тоскуютъ онѣ? Это греза Мусатова нарядила прежнихъ людей въ вышедшія изъ моды старыя платья. Это рука Мусатова написала ихъ такъ, какъ ихъ писали итальянскіе фресковые живописцы въ XV столѣтіи. Въ этомъ смѣшеніи стилей и эпохъ Мусатовъ самостоятельный оригинальный художникъ среди всѣхъ своихъ русскихъ современниковъ.

Другая особая черта этого замѣчательнаго мастера—совсѣмъ исключительное слѣпое очарованіе женственностью. Среди многихъ десятковъ его картинъ можно насчитать лишь нѣсколько примѣровъ изображеній мужчины. Въ этомъ опять увлеченіе неправдой. Мусатовъ былъ некрасивымъ горбуномъ, и оттого онъ такъ сильно и нѣжно полюбилъ все красивое и стройное. Жизнь его была невыносимымъ тяжелымъ испытаніемъ, и онъ болѣзненно-жадно грезилъ о недоступномъ ему раѣ. Такъ сказался истинный сынъ своего времени. Кто же та женщина, которую такъ нѣжно любилъ и воспѣвалъ Мусатовъ? Кто она эта блѣднолицая, грустноокая, зачарованная сказкой печальница? Она—всегда дѣвушка, всегда грустная; даже въ хороводѣ подругъ она кажется одинокой. Она всѣми своими помыслами, мане-

рами, походкой и одѣяніемъ далека отъ нашего времени, далека отъ него и тѣломъ и душой. Это не женщина повседневности, это даже не земной идеалъ существующей красоты. Нѣтъ, это только возсозданіе призрака несуществующей прелести, той „милоты и ласковости"—по выраженію Маркевича, которой полны были обаятельныя обитательницы дворянскихъ гнѣздъ уже не существующей „пушкинской Россіи". Въ этомъ увлеченіи нереальнымъ прежнимъ и невозвратнымъ вновь отразилась больная, тоскливая жуть міропониманія Мусатова.

Но помимо чисто-психологическаго обаянія, помимо невыразимой, почти магической прелести его мечты, Мусатовъ одинъ изъ значительнѣйшихъ живописцевъ нашего времени, отразившій въ своемъ творчествѣ всѣ достиженія послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка, огромный мастеръ, „знатокъ своего дѣла", любящій краску для краски, линію для линіи и форму для формы. Онъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ колористовъ, поэтъ цвѣтныхъ грезъ, онъ ближе всѣхъ другихъ понялъ великое значеніе монументальной живописи.

Его картины кажутся застывшей музыкой, какими-то клочками радужнаго океана, вылившаго свои волны въ цвѣтные образы природы и людей.

Почти всѣ картины Мусатова — красочныя симфоніи: блѣдно-лиловаго, голубого, ярко-зеленаго и желтаго. Всякая мысль, всякій образъ его живописенъ. Мусатову не суждено было исполнить все имъ задуманное, онъ умеръ молодымъ, только начавъ свой „Реквіемъ", который былъ его послѣдней пѣсней.

Въ творчествѣ его нѣсколько этаповъ. То увлеченіе французскимъ нео-импрессіонизмомъ, то безпредѣльная нѣжная любовь къ русской помѣщичьей старинѣ, то жажда красочныхъ провидѣній, какъ у большихъ мастеровъ кватроченто. Всегда и во всемъ что онъ дѣлалъ, Мусатовъ является живописцемъ par excellence и всегда греза его воплощается въ линію и краску. Эти живописныя выраженія его мечты неразрывно слиты съ нею самою и творчество Мусатова цѣнно тѣмъ, что въ эволюціи рисунка и красочнаго пятна онъ сыгралъ огромную роль въ исторіи нашей живописи. Обобщая всѣ свои живописные силуэты, онъ всегда давалъ въ своихъ картинахъ не аналитическіе опыты и исканія, а лаконическіе, но выразительные итоги. Мусатовъ—поэтъ печальной мечты, поэтъ прежней любви и нынѣшней женщины. Онъ ласковый, добрый сказитель на новомъ языкѣ старинныхъ разсказовъ о старой жизни.

СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ.

Мусатова звали Викторъ Эльпидифоровичъ, онъ былъ сыномъ служащаго на желѣзной дорогѣ, родился въ Саратовѣ въ 1870 году. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ уже сдѣлался навсегда несчастнымъ маленькимъ горбуномъ, непригоднымъ къ обыденности. И какъ у всѣхъ обиженныхъ судьбой, у него развилось особое, ему одному присущее міровоззрѣніе. Онъ до конца своихъ дней остался искалѣченнымъ ребенкомъ, сумѣвшимъ недѣтскими, глубоко-мудрыми словами повѣдать землѣ свои мечты о небѣ. Вѣдь онъ такъ глубоко и нѣжно любилъ это небо, такъ много и хорошо писалъ его! Чудится, будто онъ всю свою жизнь провелъ въ какомъ-то волшебномъ царствѣ, тамъ, гдѣ зеленая весенняя трава, гдѣ всегда вѣчно-синее небо, тихая гладь воздушнаго океана. Вся его жизнь—простая и ясная—кажется грустнымъ разсказомъ больного мальчика. Онъ росъ

останавливая на себѣ вниманіе окрестныхъ мальчишекъ, поневолѣ отдаляясь отъ сверстниковъ, благодаря своему несчастью.

Любовь къ рисованію явилась у него рано, такъ-же, какъ и потребность къ уединенію. Объ этомъ сохранилась его запись: „Около Саратова на Волгѣ есть островъ. Этотъ островъ называется „Зеленымъ". Въ дѣтствѣ онъ былъ для меня чуть ли не „Таинственный островъ". Я зналъ только одинъ ближайшій его берегъ. Онъ былъ пустынный, и я любилъ его за это. Тамъ никто не мѣшалъ мнѣ дѣлать первые робкіе опыты съ палитрой".

Дѣти жестоки; они не прощаютъ физическихъ несчастій—вотъ отчего, когда онъ уже выросъ, у него, постояннаго жителя Саратова, не оказалось никакихъ товарищескихъ связей и знакомствъ среди родного города. Десяти лѣтъ онъ поступилъ въ реальное училище и въ свободное отъ ученія время сталъ ходить въ художественные классы при Радищевскомъ музеѣ.

Къ своимъ первымъ учителямъ онъ сохранилъ глубокую признательность и впослѣдствіи, не сходясь съ ними совершенно во взглядахъ на задачи искусства, отзывался о нихъ, какъ о людяхъ, неизмѣнно тепло. Такъ разсказываетъ близкій другъ Мусатова—В. К. Станюковичъ.

Весна.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни Борисова-Мусатова говорятъ о томъ, какъ страстно любилъ онъ искусство, какъ 16-ти лѣтъ бросилъ Саратовское реальное училище, уѣхалъ въ Москву и поступилъ въ школу живописи и ваянія. Никто не хотѣлъ понять его смѣлыхъ дерзаній; профессора по школѣ не оцѣнили молодого художника. Мусатовъ уже тогда видѣлъ все „по своему", писалъ въ холодныхъ сизыхъ тонахъ, казавшихся всѣмъ „неестественными".

Люди не видѣли грезы маленькаго мечтательнаго горбуна и думали, что своими странными „нездѣшними" красками онъ пишетъ теперешнюю жизнь и правду. Въ эту эпоху, когда все понималось прозаически и буквально, когда вульгаризація жизни казалась чуть ли не задачей всѣхъ областей искусства, конечно никто не могъ понять условнаго, символическаго „живописнаго слога".

Мусатовъ, непонятый въ училищѣ, переѣзжаетъ въ 1891 г. въ Петербургъ учиться у Чистякова въ Академіи Художествъ. Этого умнаго, своеобразнаго учителя Мусатовъ любилъ и до конца жизни сохранилъ о немъ самыя лучшія воспоминанія.

Здоровье Мусатова не позволило ему жить постоянно въ Петербургѣ и, пробывъ годъ въ Академіи, онъ вынужденъ вернуться въ Москву. Онъ учится опять въ училищѣ

живописи и ваянія, часто посѣщаетъ Третьяковскую галлерею, любуется и любитъ Бастьенъ-Лепажа, восторгаясь главнымъ образомъ, его картиной „Деревенская любовь". Въ этихъ юношескихъ мечтахъ уже сказывается будущій поэтъ любви и сельскаго затишья. Въ это же время Мусатовъ увлекается импрессіонизмомъ и Ге, что замѣтно по написанной имъ лѣтомъ въ Саратовѣ картинѣ „Дѣвочки, играющія въ мячъ".

Но Мусатову кажется скучной жизнь обыденности; онъ пока не умѣетъ заколдовывать ее—населять міръ своими неземными друзьями. Онъ ищетъ новыхъ грезъ; лѣтомъ 1895 г. путешествуетъ на Кавказѣ и въ Крыму, исполняетъ яркія, вспыхивающія красочныя симфоніи. На посмертной выставкѣ Мусатова онѣ были просто названы „Кавказскіе и Крымскіе этюды". „Я живу только мечтой, только будущимъ—пишетъ онъ, твержу постоянно: „въ Парижъ! въ Парижъ!" Любимая имъ печальная осень приноситъ эту радость, и онъ ѣдетъ въ Парижъ. Ему не удается поступить къ Пювисъ де Шаванну, и онъ начинаетъ работать у Кормона, о которомъ говоритъ:

„Кормонъ очень похожъ на академическаго профессора Чистякова. Это высокаго роста худой старикъ, замѣчательно энергичный. Говоритъ онъ очень быстро и много,

и говоритъ не стѣсняясь, такъ что ученики его боятся и онъ крѣпко ихъ пробираетъ весьма основательно. Поправлять работы онъ приходитъ два раза въ недѣлю.

Работаю отъ 8-ми до 10-ти. Остальное время работаю дома или брожу по картиннымъ галлереямъ и по Парижу.

Ужъ я и счетъ потерялъ, который дѣлаю рисунокъ... Но я чувствую, что я сдѣлалъ успѣхи. Я нашелъ то, что мнѣ представлялось нужнымъ раньше... Я конечно могъ бы заниматься цѣлый день—тогда бы успѣхъ былъ самый существенный, но я не раскаиваюсь, что этого не сдѣлалъ, ибо я хоть немного познакомился съ Парижемъ. Я въ это время хоть сколько-нибудь изучилъ Лувръ и Люксембургъ. Особенно Лувръ, по своей школѣ, ничѣмъ не замѣнимъ".

Въ этихъ вкусахъ сказался весь художникъ, любящій прежнее за его умирающій ароматъ, а современное за его яркую красочность.

Но предаваясь созерцаемымъ наслажденіямъ и занимаясь почти исключительно рисункомъ, онъ забылъ то, чему учился какъ живописецъ. Къ тому же онъ не могъ постоянно работать и въ періодъ времени 1895—98 г. г. долженъ дважды уѣзжать изъ Парижа — разъ въ Россію, другой разъ для леченія въ Масэ, на югъ Франціи.

Парижъ имѣлъ на Мусатова огромное вліяніе. Это

особенно замѣтно въ его картинѣ „Maternité“ (1896 г.), на которой отразились изысканія французскихъ нео-импрессіонистовъ.

Позднѣйшіе опыты его композицій для фресокъ показали, какъ глубоко запечатлѣлись въ его воображеніи всѣ воспріятія его юношескихъ лѣтъ. Здѣсь видимъ мы съ одной стороны уроки старыхъ италіянскихъ фресковыхъ живописцевъ, съ другой—наслѣдника ихъ традицій во Франціи—Пювисъ де Шаванна.

Вернувшись въ Россію, Мусатовъ заканчиваетъ лѣтомъ 1899 г. большой „Портретъ“ (Музей Имп. Александра III,) представляющій художника и его сестру въ саду у стола, бѣлый мраморъ котораго осыпанъ розами.

Это первое вполнѣ зрѣлое и уже самостоятельное произведеніе художника, но въ немъ все еще нѣтъ той законченной широты обобщеній, той поэтической мечтательной грусти, того высокаго мастерства, которые будутъ въ позднѣйшихъ работахъ Мусатова. Здѣсь линіи его рисунка еще немного робки, неувѣренны, въ нихъ нѣтъ еще того спокойнаго величаваго бѣга, котораго онѣ достигнутъ впослѣдствіи и краски взяты нѣсколько „приблизительно“ ощупью.

Слѣдующее лѣто художникъ провелъ въ старинномъ имѣніи „Слѣпцовка“, Саратовской губерніи. Здѣсь подъ

длинными верандами, обвитыми плющемъ, онъ еще больше полюбилъ старинныя вещи, костюмы и сказанія.

Мусатовъ весь проникся тишиной русской барской деревни, онъ увидѣлъ то, что искалъ и задумалъ „Гармонію". Въ этой картинѣ вся жизнь его мечты и мечта его жизни.

Здѣсь лиловые сумерки съ клубящимися вечерними облаками.

Здѣсь старый паркъ съ бѣлымъ домомъ. Здѣсь простая старая женщина въ платкѣ, старая, но еще живая. И двѣ дѣвушки и кавалеръ въ старинныхъ платьяхъ.

Они всѣ трое молоды, но умерли давно. Старый, но живой паркъ, и доживающая свой вѣкъ старушка, и давно умершіе молодые—вотъ „живые предметы", которые будутъ во всѣхъ послѣдующихъ картинахъ Мусатова.

Въ „Гармоніи" первый разъ выплакалась его милая больная душа. Маленькій горбунъ разсказалъ вслухъ о своихъ грезахъ. „Quand les lilas reuileuriront" и два „Мотива"—„Осенній" и „Безъ словъ" относятся къ тому же времени.

Въ этихъ картинахъ призракъ женщины еще не вполнѣ овладѣлъ душой художника. Пока Мусатовъ пишетъ не только однѣхъ женщинъ, какъ это будетъ позже,—а также и мущинъ. Всѣ три произведенія могутъ составить циклъ

„Вдвоемъ". Всегда два существа — мущина и женщина — въ старинномъ домѣ или въ паркѣ. Въ „Осеннемъ мотивѣ" свѣтлый обликъ женщины ярко рисуется на трельяжѣ боскета.

Печальный кавалеръ грустной дамы понуро сидитъ противъ нея. Или вотъ подъ высокими деревьями, въ тѣнистой прохладѣ большого сада идутъ двое.

Та же дѣвушка и тотъ же кавалеръ: „Quand les lilas refleuriront, Dans ces vallées nous reviendrons"...

Потомъ оба они сидятъ въ домѣ. Мягко мерцаетъ и скользитъ лучъ солнца по матеріямъ платья и мебели. Кажется, будто слыхать, какъ идетъ тишина, какъ сонно шуршитъ маятникъ, какъ бьется муха объ стекла оконъ.

Картина названа „Мотивъ безъ словъ". Въ этихъ трехъ созданіяхъ—жаждущая ласки душа художника. Онъ мечтаетъ о женщинѣ и любитъ ее и, быть можетъ, представляетъ себя въ образѣ того кавалера, который гуляетъ въ паркѣ и сидитъ дома съ любимой.

Ему чудится томный вздохъ сонной зелени, шуршаніе вкрадчивыхъ звуковъ, Богъ вѣсть откуда залетающихъ въ окно. Здѣсь выражаетъ онъ до жалости сильно и напряженно весь ужасъ передъ пошлостью, и восхищеніе, и молитву

передъ тихимъ молитвеннымъ уютомъ красиваго быта романтическихъ людей.

Слѣдующее лѣто (1901 г.) художникъ живетъ въ „Зубриловкѣ". Вы знали это имѣніе въ Саратовской губерніи, старую, тихую „Зубриловку" съ большимъ покойнымъ домомъ? Или нѣтъ? Ее сожгли крестьяне во время революціи Мусатовъ провелъ здѣсь лучшіе годы своей жизни. Въ „Зубриловкѣ" онъ нашелъ самого себя; здѣсь онъ задумалъ „Гобеленъ", здѣсь въ саду онъ мечталъ надъ„ Водоемомъ". Этюдовъ къ „Гобелэну" Мусатовъ не писалъ вовсе. Онъ только упорно думалъ надъ этой картиной все лѣто въ „Зубриловкѣ", какъ бы создавая мысленно итоги своей грезы, отбрасывая все ненужное и выбирая только важнѣйшее, самое цѣнное изъ жизни. Онъ пережилъ, создавая „Гобелэнъ", смерть своей первой мечты. Въ запискахъ его, относящихся къ этому времени, видна тяжелая драма любви и одиночества. Мусатовъ понялъ, что ему нельзя быть съ тѣми дѣвушками, среди которыхъ онъ жилъ когда-то. И мечтая о нихъ, онъ ужъ не рисовалъ рядомъ съ ними наряднаго влюбленнаго кавалера. Въ „Гобелэнѣ" двѣ дѣвушки и нѣтъ мущины. Его и не будетъ въ послѣдующихъ картинахъ Мусатова. Греза о женщинѣ всецѣло полонила его. „Гобелэнъ" былъ законченъ въ Сара-

товѣ зимой и выставленъ въ 1901—02 г. въ Товариществѣ Московскихъ Художниковъ. Эта картина, быть можетъ, самая совершенная изъ всего, что писалъ Мусатовъ. Здѣсь скованы въ одно: нѣжная дѣтская душа и дивная техника живописи и рисунка. Въ паркѣ, подъ сѣнью деревьевъ гуляютъ двѣ дѣвушки. Онѣ свѣтлыя, такія же бѣлыя какъ Зубриловскій домъ, который виденъ въ отдаленіи Онѣ грустныя, какъ грустны эти деревья, завороженныя знойной тишиной. Онѣ милы, какъ милъ этотъ домъ, и ихъ нѣтъ, также какъ нѣтъ теперь этого дома. Но тогда, при Мусатовѣ, домъ еще былъ реальной правдой, а дѣвушки тогда уже были призраками. Такъ спаялъ художникъ жизнь съ мечтой. Въ этомъ же году имъ написанъ „Вишневый садъ", полный чеховской грусти.

Въ Саратовѣ, также какъ и въ Москвѣ, не поняли Мусатова. Его считали „декадентомъ". Онъ жилъ одиноко въ маленькомъ флигелѣ въ саду и видѣлся съ немногими случайными друзьями. Однажды въ 1902 г. вечеромъ онъ показалъ имъ свою новую, задуманную еще въ „Зубриловкѣ", картину—„Водоемъ". Много разъ писалъ Мусатовъ этюды Зубриловскаго парка, писалъ двухъ женщинъ, глядящихся въ зеркальной глади воды.

Въ водоемѣ, въ лѣтній день отражаются небо и деревья.

У водоема (эскизъ).

У воды тоскуютъ о чемъ-то печальноокія женщины. Одна сидитъ, другая стоитъ подлѣ. Паркъ и небо опрокинулись въ водѣ и застыли. И тихая гладь пруда, и мечтательные призраки женщинъ, и недвижимыя деревья заворожены тайной бытія. Старый волшебникъ Время заколдовалъ все. Всѣ женщины стали Спящими Царевнами. И никто живой не проникаетъ въ заколдованный садъ. Память о прежнемъ овѣяла нѣжной сказкой реальное видѣніе. И мнится, что природа и люди—застывшій сонъ. Какой-то особенной жизнью тихаго, почти небывалаго спокойствія охватываетъ эта картина. Кажется—вотъ вспомнишь, что это давно, давно гдѣ то видѣнное и силишься и не можешь припомнить когда это было. Такъ жилъ всякій, но когда, гдѣ, почему?..

Техника исполненія картины показываетъ въ ея авторѣ огромнаго, умѣлаго мастера. „Водоемъ" прекрасенъ своими бархатными мечтательными красками, сказочно-правдивой живописью неба, воды, листвы и матеріи платьевъ.

Все нарисовано и написано съ мудрымъ обобщеніемъ цвѣта и формъ. Мечта художника кристаллизировалась и застыла. „Водоемъ" навсегда останется классическимъ произведеніемъ русской школы живописи.

Въ томъ же 1902 г. осенью, Мусатовъ женился на давно любимой имъ дѣвушкѣ. Лѣто слѣдующаго года онъ

проводитъ на дачѣ близъ Хвалынска, въ тѣнистомъ ущельи Черемшана, въ мѣстности стараго скита раскольниковъ „австрійцевъ". Недалеко отъ дома, гдѣ жилъ Мусатовъ былъ дубнякъ, и художникъ цѣлыми днями писалъ этюды деревьевъ.

Эти наброски послужили ему для картины „Изумрудное ожерелье". Картина названа такъ по ярко-зеленому „изумрудному" тону дубовой листвы, въ тѣни которой сплелись, какъ самоцвѣтные камни, мечтательныя дѣвушки въ старинныхъ платьяхъ.

Здѣсь зародилась въ грусти и улыбнулась радостью дѣтская греза художника. Такъ кажется, смотря на „Ожерелье": налѣво женщина въ темномъ—печальная, съ остановившимися, полными тоски глазами. Другая, подлѣ нея, также горюетъ. Но чѣмъ дальше отъ тоскующихъ, тѣмъ веселѣе становятся дѣвушки. И та, что стоитъ направо — радостное, полное жизни, безпечное дитя. Такъ, словно волна, бѣжитъ грусть, развертываясь счастьемъ.

Въ картинѣ вся гамма настроеній отъ печали къ солнечной радости. И невольно думаешь о переливахъ зеленыхъ камней, смотря на „Изумрудное ожерелье".

Одновременно съ этой картиной художникъ написалъ и другую—„Призраки", давно уже задуманную въ „Зубри-

ловкѣ". Здѣсь опять представлена вереница женскихъ лицъ въ старыхъ костюмахъ. Онѣ кажутся завороженными могущественнымъ колдуномъ—Временемъ, онѣ безвольно бродятъ, какъ тѣни у стѣнъ стараго опустѣлаго помѣщичьяго дома. Также задумчивы нездѣшнія лица: „Дама въ профиль" „Спокойствіе", „Сонъ" и „Встрѣча у колонны". Всѣ они написаны до 1904 г. въ „Саратовскій" періодъ творчества Мусатова.

Въ концѣ 1903 г. онъ уѣзжаетъ въ Подольскъ, близъ Москвы. Здѣсь монументальныя задачи фресковой живописи увлекаютъ его. Онъ вспоминаетъ о чемъ грезилъ онъ въ Парижѣ, ему вспоминается Ботичелли и Пювисъ де Шаваннъ.

Мусатовъ понимаетъ, что ему данъ великій даръ угадыванія и провидѣнія огромныхъ цвѣтныхъ видѣній. Ему чудятся плоскости дворцовыхъ стѣнъ, расписанныхъ фресками, музыкальныя ритмы стѣнной живописи. Первые проблески этой смѣлой мечты художника были въ „Изумрудномъ ожереліи". Потомъ Мусатовъ всецѣло отдается мысли о декоративной живописи. Онъ получаетъ заказъ расписать фресками центральное зданіе трамваевъ и пишетъ эскизы своихъ красочныхъ грезъ: „Екатерина Великая и Ломоносовъ", „Дѣвушки, застигнутыя грозой", „Вѣтки плакучей

березы и рябины". Вполнѣ естественно, что трамвайная администрація не принимаетъ эскизовъ, какъ несоотвѣтствующихъ заданной темѣ. Мусатовъ дѣлаетъ тогда проекты фресокъ для одного дома, но и онѣ не приводятся въ исполненіе. Эти эскизы акварелью принадлежатъ теперь А. П. Боткиной и Третьяковской галлереѣ.

В. К. Станюковичъ опубликовалъ въ своей книгѣ о Мусатовѣ, составленное самимъ художникомъ описаніе фресокъ.

„Весенняя сказка (лѣвая сторона). Утро радостное. Юныя игры. Двѣ молодыя подруги ловятъ бѣлыхъ мотыльковъ; третья подбираетъ букетъ, рветъ лепесточки. Свѣтлыя платья—какъ лепестки весеннихъ цвѣтовъ. На островкѣ группа березъ плакучихъ съ прозрачными длинными тѣнями. Между ними—скамья. Старый бюстъ Горація, друга лирическихъ пѣсовъ, задумчиво смотритъ вдаль, а даль, берегъ парка и небо съ весенними облаками отразились въ рѣкѣ.

Лѣтняя мелодія (средняя стѣна). День склоняется къ вечеру. На террасѣ группа дамъ. Зеленый плющъ. Старый мраморъ на фонѣ тѣнистаго парка и стѣны дома освѣщены солнцемъ. Снизу по нимъ поднимаются неслышно прозрачныя тѣни. Жеманныя позы. Богатство матерій. Лѣт.

нія облака, принимая фантастическія формы, плывутъ надъ паркомъ.

Осенній вечеръ (правая сторона). Осенняя пѣснь. На облакахъ догораютъ послѣдніе лучи солнца. На фонѣ вечерняго неба силуэтами тянутся стволы старыхъ липъ; за ними меланхолическая даль пустыннаго парка. Въ вышинѣ тяжелымъ кружевомъ сплелись липы вѣтвей; онѣ скоро будутъ голы.

Налѣво гротъ съ облетающимъ кустомъ жимолости. Передъ нимъ тихая вода ручья. Идутъ дѣвушки... онѣ тоже скоро исчезнутъ.

Прощальная прогулка. Послѣдній брошенный прощальный взглядъ. Послѣдній сорванный цвѣтокъ.

И только одинокій флюгеръ на крышѣ покинутаго дома будетъ всегда смотрѣть туда, на югъ—куда онѣ теперь смотрятъ".

Послѣдняя картина была задумана въ двухъ варіантахъ; вотъ первый изъ нихъ:

„Сонъ Божества. Глубокая осень, холодная, безрадостная ночь. Спитъ старый паркъ у развалинъ башни. Спитъ богъ любви. Къ его пьедесталу жмутся робко послѣднія осеннія розы. Голыя вѣтви деревьевъ тянутся къ звѣз-

дамъ. Одна вѣтка заглянула въ печальный водоемъ и утонула въ немъ".

Эти проекты фресокъ полны неизъяснимой печали, подернуты нѣжной дымкой грусти. Того же настроенія и прелестныя картины „Прогулка при закатѣ" и „Паркъ погружается въ тѣнь". Это послѣднее произведеніе одно изъ перловъ творчества художника; особенно красиво оно по краскамъ блѣднымъ, мерцающимъ, переливчато-опаловымъ, словно морская раковина, искрящаяся перламутромъ.

Весной 1905 г. Мусатовъ поселился въ Тарусѣ—маленькомъ захолустномъ городѣ Калужской губерніи. Здѣсь никто не безпокоилъ его, и онъ могъ уйти въ самого себя, сосредоточиться. Лѣтомъ онъ долженъ былъ прожить въ Москвѣ, но къ осени вновь вернулся въ Тарусу. Въ это время имъ исполненъ „Орѣшникъ" — дивный, блѣдный этюдъ холодной рѣки, осенняго неба, деревьевъ съ обнажающимися вѣтвями. Тогда же задуманъ и „Реквіемъ"—послѣдняя и, можетъ быть, лучшая его картина. Въ ней соединились и кристаллизировались всѣ исканія и грезы Мусатова: мечта о далекой красотѣ итальянскихъ фресокъ и нѣжная ласка близкой ему русской усадебной жизни прошлаго. Все въ этой картинѣ печально, все не реальность, а воспоминаніе. Центральная фигура—долго любимая имъ,

только что умершая женщина. Она кажется не правдой, а выдумкой, задумчивымъ призракомъ еще въ дѣтствѣ снившагося сна. Кругомъ все женщины, и всѣ печальны. Рыжеволосыя и чернокудрыя, блѣдныя, грустныя, печальноокія, осеннія. Тихо тоскуютъ онѣ, и глаза ихъ кажутся глазами раненныхъ ланей. Движутся, чуть слышно шурша платьями, шевелятся лѣниво, какъ падающіе съ деревьевъ листья. И отъ всей картины вѣетъ какимъ-то особеннымъ, чисто музыкальнымъ обаяніемъ, неизъяснимымъ очарованіемъ милой, больной „Мусатовской" грезы.

Эта картина была послѣдней. Надломленное здоровье Мусатова не выдержало тяжелыхъ испытаній, усиленнаго непрерывнаго труда. Въ ночь на 26-е Октября 1905 года, онъ почувствовалъ себя плохо и къ утру скончался. Онъ умеръ 35 лѣтъ...

Въ жизни бываютъ таинственныя и странныя совпаденія: черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Мусатова крестьяне сожгли Зубриловскій домъ, сожгли паркъ, все разрушили, истребили. И тѣнь поэта призраковъ потеряла свой пріютъ...

ИТОГИ.

Есть художники, жизнь которыхъ является какъ бы сценическимъ воплощеніемъ ихъ художественныхъ мечтаній. Они сопереживаютъ бытіе тѣхъ героевъ, о которыхъ разсказываютъ языкомъ красокъ, они переносятъ на холсты своихъ картинъ ту жажду правды, которая мучаетъ, радуетъ и волнуетъ ихъ. Смотря на ихъ произведенія, видишь ихъ самихъ соучастниками тѣхъ красочныхъ сновъ, которые они воплотили въ искусствѣ. Одни выражаютъ свои сокровенныя грезы и разсказываютъ только о себѣ. Другіе—напротивъ стараются скрыть свое я, никогда не пишутъ того, что видятъ вокругъ себя, никогда не представляютъ своего изображенія среди героевъ и героинь жизни и сказокъ, о которыхъ повѣствуютъ.

Они стараются забыться, уйти далеко отъ дѣйствительности, спрятаться, сдѣлаться маленькими, незамѣтными,

Реквіемъ.

одѣть на себя большую „шапку-невидимку“ и смотрѣть изъ-подъ нея, скрытыми отъ постороннихъ глазъ.

Они думаютъ, что разсказывая о нездѣшнемъ мірѣ, они сами станутъ жителями другой земли. Они такъ жестоко обижены судьбой, что кажутся себѣ недостойными той красоты, о которой мечтаютъ и которую воплощаютъ они на своихъ картинахъ.

Борисовъ-Мусатовъ—былъ именно такимъ скрытнымъ, затаившимся поэтомъ. Онъ, фанатичный поклонникъ женщины, онъ, нѣжно любившій все стройное, изысканное и прекрасное, былъ калѣкой, одинокимъ, несчастнымъ и больнымъ. Вотъ почему ему такъ хотѣлось спрятать свой обликъ, свою жизнь и свое несчастье отъ другихъ; онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться! Онъ уходилъ отъ жизни, бѣжалъ отъ нея, но, злая и безпощадная она настигала его, окружала насмѣшками и наконецъ покинула въ полномъ его расцвѣтѣ силъ и дарованія. Но загнанная, больная, измученная, страдальческая душа художника, прячась отъ всѣхъ, все же выплакалась въ его картинахъ. Мусатовъ хотѣлъ отказаться отъ жизни, но не могъ. Онъ одинъ изъ самыхъ яркихъ индивидуалистовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ какъ никто не только себя, но и все свое время, его вкусы и мечтанія. Въ

„Гармоніи" сплетается правда и выдумка: старуха въ современномъ платьѣ, домъ стариннаго построенія и новые люди, одѣтые, какъ одѣвались когда то давно. Мечта и жизнь скованы здѣсь воедино.

Женщины на картинахъ Мусатова—именно тѣ, которыхъ онъ любилъ въ жизни, но ихъ одѣянія и дома, въ которыхъ онѣ живутъ, совсѣмъ иного вѣка. „Когда меня пугаетъ жизнь—я отдыхаю въ искусствѣ" говоритъ Мусатовъ, но и въ это искусство онъ незамѣтно для себя вкладываетъ живую частицу дѣйствительности. Онъ создалъ свой особый міръ, гдѣ правда соприкасается съ фантазіей, онъ всю свою жизнь какъ бы прожилъ на томъ „Зеленомъ Островѣ", куда еще въ дѣтствѣ онъ ѣздилъ скрываться отъ людей.

Въ одномъ стихотвореніи въ прозѣ, написанномъ имъ еще въ Саратовѣ, сказывается это исканіе одиночества, тупая боль отъ жизни и жажда иного бытія:

„Спокойствіе душу объемлетъ, и я никуда не иду. Здѣсь концерты, вечера, спектакли, скандалы; саратовцы, судя по газетамъ, мятутся. Мятутся мои бѣдные односельчане, а я сижу дома и задаю концерты себѣ одному. Въ нихъ вмѣсто звуковъ—все краски, а инструменты—кружева, и шелкъ, и цвѣты. Я импровизирую на фонѣ фантазіи, а

романтизмъ мой всесильный капельмейстеръ. И я забываю, что люди и здѣсь существуютъ. Мнѣ кажется, что ихъ здѣсь нѣтъ, или я ихъ такъ глубоко презираю. И мнѣ кажется иногда, что я на какомъ то необитаемомъ островѣ. И дѣйствительность, какъ будто, не существуетъ, мечты мои всегда впереди. Иногда онѣ ближе меня окружаютъ толпой, онѣ мнѣ создаютъ цѣлыя симфоніи, тоска меня мучитъ, музыкальная тоска по палитрѣ, быть можетъ; гдѣ я найду моихъ женщинъ прекрасныхъ? Чьи женскія лица и руки жизнь дадутъ моимъ мечтамъ? И я никуда не иду, спокойствіе душу объемлетъ..."

Въ этихъ неумѣлыхъ и наивныхъ строкахъ ярко и выразительно высказалась вся больная и неудовлетворенная душа художника. И, быть можетъ, эта неудовлетворенность и собой, и жизнью, и своимъ искусствомъ и была тѣмъ главнымъ двигателемъ къ постоянному усовершенствованію, которая такъ обаятельна во всѣхъ работахъ Мусатова? Эта жажда иного, жажда новыхъ и новыхъ достиженій „художественнаго ремесла" и выковала изъ Мусатова одного изъ лучшихъ мастеровъ русской школы живописи.

Бар. Н. Врангель.

Quand les lilas refleuriront
Dans ces vallées nous reviendrons.

Гобеленъ.

Собств. В. О. Гиршманъ.
Москва.

Встрѣча у колонны.

Собств. г-жи Ламановой. Москва.

Demoiselle.

Собств. Н. Н.
Парижъ.

Портретъ дамы въ профиль. Третьяковская Галлерея.

Паркъ погружается въ тѣнь.

Изумрудное ожерелье. Третьяковская Галлерея.

Призраки. Третьяковская Галлерея.

Подъ тѣнью сосенъ.

Эскизъ картины „На террасѣ“.

Собств. А. Ф. Гауша.
П-Г.

Лѣтняя мелодія.

Собств. А. П. Боткиной.
П-градъ.

Осенній вечеръ. Третьяковская Галлерея.

Сонъ божества. Третьяковская Галлерея.

Весенняя сказка. Третьяковская Галлерея.

У водоема.

Собств. В. О. Гиршмана.
Москва.

Въ моемъ саду. собств. А. Ф. Гауша.
П-Г.

МОСКОВСКОЕ Т-ВО ХУДОЖНИКОВЪ

1904.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ.

Прогулка при закатѣ. Музей Имп. Александра III.

СПИСОКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ХУДОЖНИКА.

ПЕРВЫЯ РАБОТЫ.

Дафнисъ и Хлоя.
Полдень.
Вечеръ.
Окно.

1894.

Дѣвочки играющіе въ мячъ (Майскіе цвѣты) Собств. В. Кн. Елизаветы Өеодоровны).
Наброски къ картинѣ «Жатва“ (г. Брусова. П-градъ).
Макъ въ саду.
Кавказскіе этюды.
Крымскіе этюды.

1895.

Мальчикъ съ собакой.
Этюдъ къ картинѣ „Жатва“ (Н. И. Бутковской. П-градъ).

1896.

Голова дѣвушки съ агавой.

Плѣнники (не кончено).

Поцѣлуй.

Эскизъ картины „Maternité“.

Рисунокъ „Л. Толстой и Бирюковъ“.

1897.

Агава.

Деревцо (гр. Д. И. Толстого. П-градъ).

Сарайчикъ.

Голова старика.

Садовникъ (этюдъ пастелью).

Садъ—этюдъ (К. П. Кузнецова. Парижъ).

Человѣкъ съ тачкой.

1898.

Садъ въ полдень.

Nu (пастель).

Послѣ дождя. Этюдъ.

Портретъ (Музей Имп. Александра III).

Этюдъ (г. Туганъ-Барановскаго. П-градъ).

1899.

За чтеніемъ. (акварель).

2 Этюда къ „Гармоніи“ (А. А. Брокара. Москва и Музей Имп. Александра III).

Весенніе этюды.

Этюды къ картинѣ „Quand les lilas refleuriront“.

Молодой человѣкъ. Этюдъ.

Старая женщина. Этюдъ.

Мальчикъ съ кувшиномъ (В. С. Мандель. П-градъ).

Осенній мотивъ. (Радищевскій музей. Саратовъ).

„Causerie“. (Харьковскій музей).

Эскизъ портрета (И. Д. Миліоти. Москва).

Лѣтній вечеръ. (Худож. Никифорова. П-градъ).

Вечерній пейзажъ.

Романсъ безъ словъ (М. О. Якунчиковой. Москва).

Эскизъ „Гармоніи“.

1000.

Дѣвушка на балконѣ. (N. N. Одесса).

Осень.

«Quand les lilas refleuriront“. (г. Брайкевича П-градъ).

Гармонія.

Портретъ въ лиловомъ платьѣ съ розами.
Demoiselle. (N, N. Парижъ).
На кушеткѣ. (Рисунокъ углемъ).
Рисунокъ головы. (Радищевскій музей. Саратовъ).

1901.

Этюдъ тополей и облаковъ.
За вышиваніемъ. (Смирнова. П-градъ).
Спокойствіе.
Встрѣча у колонны (г-жи Ламановой. Москва).
Дама въ кринолинѣ.
Весна. (В. К. Станюковича. П-градъ).
Дѣвушка съ розами.
Вечеръ, этюдъ.
Два этюда цвѣтущихъ вѣтокъ. (А. Н. Веретенникова. П-градъ).
Эскизъ картины „На террасѣ". (А. Ф. Гауша. П-градъ).
Этюдъ драпировокъ съ розами.
Портретъ дамы. (Третьяковская Галлерея).

1902.

Гобеленъ. (В. О. Гиршмана. Москва).
Послѣдніе лучи.

Дама на лѣстницѣ.

Розы въ сумерки.

Этюдъ листьевъ.

Одиночество (М. Е. Букиной. Москва).

Nature morte. (Г-жи Семечкиной. Саратовъ).

Эскизъ картины „Водоемъ“.

Эскизъ „Подъ ветлами“.

Дубы при Закатѣ.

Этюдъ стога.

У водоема. (В. О. Гиршмана. Москва).

Тополь и облака, этюдъ. (Третьяковская Галлерея).

Бѣлыя розы.

1903.

Этюды дубовыхъ вѣтокъ.

Дама въ желтомъ. (Акварель).

Этюдъ для портрета.

Рисунки обложки.

Этюдъ драпировокъ.

Этюдъ центральной фигуры „Изумруднаго ожерелья“ (г. Кусевицкаго. Москва.

2 Этюда къ „Изумрудному ожерелью“. (М. Ф. Шехтеля и
С. И. Щукина. Москва).

Изумрудное ожерелье. (Третьяковская Галлерея).

Рисунки перомъ для журнала „Вѣсы“. (Собств. журнала).

Дама у гобелена. (В. О. Гиршмана. Москва).

Въ паркѣ. (А. А. Шемшурина. Москва).

Неоконченный портретъ Н. Г. Станюковичъ.

Женская голова. (Н. Г. Пѣтухова. Москва).

Послѣднiй день. (В. Э. Направника. П-градъ).

Призраки. (Третьяковская Галлерея).

Рисунокъ обложки.

Портретъ двухъ дамъ. (Н. И. Барышникова. П-градъ).

Четыре эскиза фресокъ. (Три въ Третьяковской галлереѣ.
Четвертый у А. П. Боткиной. П-градъ).

Жасминъ и пiоны.

Этюды облаковъ (темпера).

Этюды облаковъ (масло).

1904.

Провинцiалки.

Въ розовой шляпѣ.

Аллея липъ.

Подъ тѣнью сосенъ.

Паркъ погружается въ тѣнь.

Прогулка при закатѣ. (Музей Имп. Александра III).

Въ моемъ саду. (А. Ф. Гауша. П-градъ).

Ворота усадьбы. (г. Кусевицкаго. Москва).

4 эскиза для маіолики.

Сонечка. (г. Кусевицкаго. Москва).

Неоконченный портретъ.

Въ березовой рощѣ.

Шиповникъ.

Вѣточка сирени.

Набросокъ женской фигуры. (Пастель).

Золотые лучи.

1905.

Этюды къ картинѣ „Вѣнки“.

Эскизъ картины „Вѣнки“. (А. Ф. Гауша. П-градъ).

Кустъ орѣшника.

Плакучая береза.

Осенняя пѣснь. (Третьяковская Галлерея).

Букетъ.

Два эскиза для фресокъ. (Ночь).

Кустъ орѣшника. (Варіантъ. И. И. Трояновскаго. Москва).

Рисунокъ центральной фигуры къ картинѣ Requiem. (В. К. Станюковича. П-градъ).

Рисунки къ картинѣ Requiem. (гр. Д. И. Толстого, П. И. Барышникова, А. П. Боткиной. П-градъ).

Вѣточки березы.

Балконъ. (Третьяковская Галлерея).

Ветлы.

Аллея березъ.

Березы въ полдень.

Requiem. (Третьяковская Галлерея).

